

Картины маслом

Каждую работу художник Андрей Елецкий начинает не с первой краски, а... со священнодействия с полотном

Лия ГИНЦЕЛЬ

Признаюсь, меня предупреждали: экстрасверт, можешь даже вопросов не задавать, сам всё расскажет. Он и начал с того, что искусство для художника — шаг из вечности в быденную жизнь. А для зрителя — наоборот: из быденной жизни в вечность. То ли парадокс, то ли мудрость великая. То ли не менее великая самоуверенность. Хотя и слово «художник» имеет здесь, как я понимаю, широкое трактование. Ведь Андрей Елецкий столько же художник, сколько и музыкант. Причём в музыку погружён с детства, а живописью занялся в 37-летнем возрасте. Зато преуспел. Член Творческого союза художников, Елецкий стал обладателем почётного диплома «За выдающийся вклад в современное русское искусство». А работы его выставляются в музеях, галереях, частных коллекциях 25 стран. Есть они и в Русском музее.

У Андрея Елецкого есть поклонники и среди меломанов, и среди любителей художественного творчества. И большинство из них требует, чтоб он сделал наконец свой выбор. Пока не выходит, ведь картины он обычно пишет под музыку. Чтоб душа пела. И получается, в результате, музыкальная живопись. Получается импровизация, блестяще сыгранная композиция. Композиция, вовсе не обдуманная заранее. Потому что не художник пишет. Это Бог водит его рукой

— Ну да, меня часто ругают, что веду себя как ребёнок. Навивно. Советуют хитрить. А когда пытаются объяснить, что вранье тут же отразится на результатах творчества, отступают: «Нет-нет, тогда не надо!» В жизни всё немного странно и не обязательно справедливо. Вот Вильяма знают все. А Альбинони Томазо — единицы. С моей точки зрения, второй куда круче. Какая-нибудь Глюкоза у нас имеет больше поклонников, чем художник Брусиловский. Когда Лиза в соприкосновении своего коллеги музыканта-импровизатора Гильёна Матте впервые приехала в Россию, аристократические барышни в полном неведении твердили, что он «портит галерею». На самом деле, девушке просто никогда не слышали импровизации. Если балерина до двадцати лет прожила в деревне и занималась в клубе, она уже не выйдет на сцену Большого театра. И блестящим музыкантом ни с того ни с сего в зрелом возрасте не стать. Для художника же и писателя возрастных ограничений нет. Мы счастливей.

— Хотя из синтезатора я умею извлекать звуки не хуже саксофонных. Так что иллюзия полная. Любимый же инструмент — виолончель.

— Чего вам не хватало в музыке, что занялись живописью?

— Мою биографию, конечно, слегка приуменьшили. А небезгрешен. **Пил сильно. Казалось: вышло и заиграю. Так заиграю, что все ахнут. Допился до того, что стакан уже поднять не могу — руки тряслись. На самое дно опустился. Но это образ был участника рок-группы — вино, свитер, длинные волосы... Хорошо, что в какой-то момент понял: всё, дальше нельзя.** Сам пришёл в ЛТП (помните, были такие лечебно-профилактические учреждения, где лечили от пьянства). Принимали, правда, не хотели. Преступлений-то не совершал, а надо было хоть стукнуть кого-нибудь, что ли, для чистоты жанра. Потом выяснили, что играю на баяне. Смиловались — взяли. Через месяц дали ключи от спортзала, чтоб заниматься мог. А я уже рисовал к тому времени немножко. В общем, когда выписался, заглянул к батюшке знакомому — что дальше-то делать? И картины показал. А он мне в ответ: «Был недавно в Москве, на Крымском валу, там художники выставляются. Так вот, у тебя в тысячу раз лучше». Я собрался и махнул в Москву. Попутчиком же в поезде рассказал, что обязательно стану великим художником.

— И что Москва?

— Вы же понимаете, меня там ждали... (улыбается). Увидел объявление — требуют посудомойщицы в ресторан «Прага». «Прага» так «Прага». Устроили. Общезителю. Руки, естественно, в волдырях, но ничего. А потом один меценат услышал случайно мой разговор с посудомойщицей о живописи. «Ты, — спросил он меня, — кто?» И через месяц уже организовал мою выставку. Я, вообще-то, из тех, кому здорово везёт. Даже теорию придумал. Вот есть люди — работают, работают, но успеха не добиваются. Есть другие — не слишком трудолюбивые, но везунчики. Есть третьи — и работают, и всё у них складывается. Главное — оказаться в нужное время в нужном месте. Мне многое приходит легко. Но легко и уходит. Такая игра. Ощущения крутизны нет. Художники нужны все — фартовые, нефартовые. Места хватят каждому.

— А до Москвы выставок были?

— В Ревде. Я там на полу ГПТУ раскладывал холст размером два метра на три, разливал краски, бросал палки, поджигал их. Так, методик не знал, фантазировал... Впрочем, вместо холста использовалась мешковина. Про специальный грунт я тогда по-

— Свой выставки вы открываете под музыку?

— Раз в месяц провожу «Елецкий-экшен». Выхожу в фартуке под музыку, а главное — на глазах публики за две минуты рисую картину. Если честно, это, естественно, обыкновенный цирковой номер. Трюк. Но публике нравится. А мне нравится придумывать истории к своим работам. Рассказывать эти истории. Люди проникаются, влюбляются в картину. Но откуда и что в работе берётся, не знаю. Это, пожалуй, главная загадка творчества. А ещё — просто мистика — рядом с моими работами всё вокруг выглядит серым. Мои картины словно убивают цветом. Приходишь даже выслушивать обвинения: дескать, пользуюсь специальными красками и технологиями. На самом деле, ничего подобного. Видимо, прав Брусиловский, заметивший однажды: Елецкий любит краски, а краски любит Елецкого.

— А какими красками вы пользуетесь?

— Обычными детскими. Но бывает, что и дорогие приходится покупать. Сочные импортные. Иной раз на них уходит больше денег, чем потом дадут за картину. Но... что делать? Охота пуще неволи. Выбирать, где что требуется, научился с опытом. И какие-то секреты есть. Не могут не быть. **Художник берёт холст и приступает к работе. А я этот холст почему-то глажу левой рукой минут пятнадцать. Почему? Даже объяснить не могу, будто любовь, согреть своим теплом.** Узнал, кстати, что Шагал тоже так начинал. И даже не пятнадцать минут тратил на священнодействие, а целый час. А ещё я использую необычные сочетания цветов — розовый с серым, голубой с ярко-жёлтым. Тем самым нарушаю каноны. Зато даже мрачноватые уральские пейзажи получаются у меня тёплыми. Южными. Ну и, раз уж начал раскрывать тайны, однажды поглаживаниями нагрел холст до 41 градуса.

— Своего человека, его приобретший, жаловался — голова болит, если долго смотреть.

— Я вам тоже открою тайну. Говорят, вы фантазёр и мистификатор. Никогда не знаешь в разговоре, где заканчивается правда и начинается вымысел.

— Признаться, пользовался подобными приёмами в общении с женским полом. Был, положила руку на сердце, профессиональным бабником. Если женщина очень хороша собой, старался сказать ей какую-нибудь гадость. И наоборот. Заводит, между прочим. Хоть и не особенно красиво. Но я даю людям то, что им надо. Ведь в большинстве своём мы желаем обманываться. И быть обманутыми.

— В истории Руси имеется воевода, князь из рода Рюриковичей, полный ваш тезка, те же имя и фамилия. Отношение к вам имеет?

— Глупо было бы не воспользоваться таким совпадением. Так что в дворянском собрании состою. Но вряд ли я потомок. Полностью моя фамилия звучит так — Елецкий-Черниговский-Успенский. У предков было даже право на русский престол, потом утраченное. Род наш угасший. Сохранился лишь по женской линии. Но дед был героем Первой мировой войны. Бабушка всю жизнь преданно хранила его золотой погон. Я их, деда и бабушку, помню. Достойные люди.

— Чем вас привлекают библейские сюжеты?

— У меня их тысячи. Люблю читать религиозные книги. При советской власти старался не пропускать службы в храме. Старые разрушенные церкви люблю — ну, такие, поросшие берёзками. Тяготею к этой теме. Так бывает. Вот целый год после смерти дочери рисовал только похороны. Потом немного отболело, и опять пошла светлая живопись. Жизнь-то продолжается. Да и заигрывать с этими силами нельзя — плохо закончится. Секрет в том, что не мы смотрим в картину — картина смотрит в нас. А через Библию идёт познание.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

— А вы есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто захожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитает море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

Вот оно, море, вот они, лодки, вот он, «Тихий залив» Елецкого. Живопись нежная

И живопись философская - «Автопортрет в образе быка». Быка, между прочим, весьма печального

ДОСЬЕ «ОГ»

Андрей Васильевич ЕЛЕЦКИЙ
Родился в 1952 году в Ревде.
Учился в Свердловском музыкальном училище имени Чайковского и Уральской государственной консерватории имени Мусоргского.
Как композитор и исполнитель выпустил шесть музыкальных альбомов. Живописью занимается с 1985 года.
Член Творческого союза художников и графиков «ЮНЕСКО», который просит не путать с Союзом художников России. Принимал участие во многих музыкальных фестивалях, конкурсах и концертах, а также художественных вернисажах в России и за рубежом. Его работы можно встретить в полсотне сотнях частных и государственных коллекций 25 стран мира. В том числе в США, Германии, Франции, Англии, Испании и, конечно, России.
Имя Андрея Елецкого — среди 120 героев книги «Просветители Екатеринбург».

Год 1976-й. На сцене - ансамбль баянистов из Ревды: Надя, Андрей, Виктор и Василий Андреевич Елецкие

Блиц-опрос

- Любите шумные компании или уединение предпочтительней?
— Раньше точно нравилось быть среди людей. Сейчас большие компании для меня редкость. И хотел бы, да как-то не очень складывается.
- Где себя лучше чувствуете, дома или за его пределами?
— В жизни ни одной берёзки не нарисовал. В храм католический захожу — кажется, всегда там был. Про Фонтен-де-Воклюс уже сказал. Хотел бы там дни коротать. Но тут опять же вырос, корни...
- Когда отправляетесь в путешествие, куда стремитесь? К морю? В горы?
— Знаете, стараюсь выбрать место, где есть огромная гора, сосны, а у подножия плещется море. Без гор для меня моря не бывает.
- Между детективом и классическим романом что выберете?
— А я в основном только письма читаю. Везде всё наврано, только в письмах правда. Хотя «Воскресение» Толстого перечитываю бесконечно. И философскую литературу люблю.
- В автомобиле вы скорее пассажир или водитель?
— За жизнь я машин десять, наверное, сменил. В том числе и очень классные были, с колонками, с музыкой... Но сам никогда не водил. Это на жене. Она и варит, и водит, и гвозди забивает, и компьютерные проблемы в её ведении.
- Когда себя лучше чувствуете, зимой или летом?
— Самое лучшее время года — осень. Как сейчас. Вся природа замирает в предчувствии зимы. Задержавшиеся листочки дрожат. Воздух чистый. Всякую осень люблю — раннюю, позднюю. Осенью я и пить бросил (смеётся).
- Если бы пришлось выбирать между живописью и музыкой, что бы вы делали?
— Представляете, что думаю? Брошу всё и стану обывателем. И так двадцать лет. Затратно. Да и странно звать молодым художником, когда тебе уже шестьдесят. Но продолжай работать. Геройски, между прочим, писать до сотни картин в месяц. И моё творчество нравится людям. Детям, взрослым. Богатым и бедным тоже. Но кто-то его не принимает. Что ж, лишь бы не смотрели сквозь работы пустыми глазами. Художника легко обидеть. Художника может обидеть каждый. Проще всего ранить словом. Но хуже равнодушия нет ничего. Поверьте.

ФОТО: ИРИНА КЛЕПИКОВА